

УДК 82.091

Таймазова Л.Л.

ПАМЯТЬ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ

В данной статье рассматривается роль авторской памяти как специфического средства воспроизведения исторической действительности в мемуарах, поскольку работа памяти писателя – основное условие создания мемуарного текста.

Ключевые слова: автобиография, воспоминание, мемуары, память

У даній статті розглядається роль авторської пам'яті як специфічного засобу відтворення історичної дійсності в мемуарах, оскільки робота пам'яті письменника – основна умова створення мемуарних текстів.

Ключові слова: автобіографія, спогади, мемуари, пам'ять

The article deals with a role of author's memory as a specific means of historical reality in memoirs as author's memory ability is the essential condition to create memoir prose.

Key words: autobiography, recollections, memoirs, memory

Цель статьи – проанализировать в русле теоретических исследований значимость категории памяти в мемуарной прозе.

В XX веке произошел всплеск литературы, построенной на документальной основе. Расцвет документально-художественной литературы отразил главную тенденцию всего столетия – усиление интереса к человеческой личности, психологии и духовному миру индивидуума.

Во второй половине 20-х годов поток мемуарной литературы достигает своего апогея, на какое-то время вытесняя другие жанры. «Мы сейчас переживаем материал, – констатировал В. Шкловский в 1927 году. – В литературе мы пришли к дневникам писателей, к воспоминаниям и путешествиям, – то, что намечалось неоднократно уже в ходе истории литературы...» [9, с. 81].

Перед мемуаристами стояла задача запечатлеть исторические события и образы своих современников и поведать о них потомкам. Замечательно то, что воспоминания писались по большей части не историками, а писателями, поэтами, художниками, то есть людьми искусства. Поэтому к историческому материалу неизменно примешивался образный, эмоциональный. И именно этими качествами – «фактической точностью, исторической достоверностью в сочетании с душевным подъемом, эмоциональным накалом» [1, с. 79] мемуары 20-х годов утверждали себя как полноценный литературный жанр, оказывали воздействие на художественную литературу.

Одним из важнейших видовых признаков мемуаров является **память**. Работа памяти писателя – основное условие создания мемуарного текста. При этом мемуарист не регистратор событий прошлого, механически воспроизводящий то, что осело в сознании, а создатель убедительной, живой картины былого, того, чему свидетелем оказался он сам. Таким образом, активно освоенными читателем становятся не только широко известные по другим источникам, запечатленные в ряде документов «магистральные» исторические обстоятельства, но и события локальные, которые, как правило, не являются всеобщим достоянием. Это факты, дополняющие «большую» историю, или те, что связаны с частной жизнью как знаменитых, так и рядовых участников исторического процесса.

Пытаясь воссоздать прошлое, известное на основании собственного жизненного опыта, мемуарист воспринимает его как необходимую составную часть человеческого бытия. Отношение к тому, с чем пересеклась собственная жизнь, согрето особым чувством личной причастности к истории, к ее перипетиям и участникам. В этом случае нет необходимости «воображать прошлое», реставрировать его по сохранившимся материальным фрагментам, как это происходит в случае исторического повествования. Живое знание эпохи обуславливает убедительность мемуаристики, ее «вещественность», «наглядность».

Поэтому мемуарная литература является частью не только художественной, но и духовной культуры общества в целом, «как результат возникающего на определенной исторической стадии способа духовного освоения человеком действительности» [8, с. 9].

Разрабатывая теоретические принципы мемуарного жанра, литературоведы ставят следующие вопросы: можно ли приравнять мемуары к автобиографическим произведениям? Насколько ощутима граница между автобиографическим повествованием и мемуарами?

В автобиографической прозе важной является роль средств, создающих субъективность изложения, большое значение приобретают временные смещения, устанавливающие план непосредственного наблюдателя-очевидца и участника событий прошлого, утверждается принцип ассоциативного сцепления эпизодов, сцен, воссоздающих прерывистые воспоминания повествователя. Этот принцип положен в основу определения жанра, сформулированного авторами литературного энциклопедического словаря: «Автобиография как литературный жанр – это последовательное описание автором собственной жизни... Для автобиографического жизнеописания характерно стремление осмыслить прожитую жизнь как целое, придать эмпирическому существованию оформленность и связность. Автобиография – это всегда акт

преодоления уходящего времени, попытка вернуться в собственное детство, юность, воскресить наиболее значительные и памятные отрезки жизни – как бы прожить жизнь сначала; автобиографии поэтому пишутся, как правило, в зрелые годы, когда большая часть жизненного пути уже позади» [5, с. 12].

Опираясь также на мнение Л.Я. Гинзбург, изложенное ею в книге «О психологической прозе», отметим, что цель автобиографии – представить жизнь (или какую-то ее часть) как некое целое, когда описываемые события отделены от настоящего неким временным промежутком и автор может отнестись к ним более или менее беспристрастно, а сами события успели приобрести в его глазах большую или меньшую осмысленность. Следовательно, автобиография отличается от дневника, день за днем фиксирующего факты и впечатления. Она отличается также и от воспоминаний (хотя их часто путают), потому что представляют собой личную историю автора, в то время как мемуары – историю событий, в той или иной степени затрагивающих все общество.

Поскольку понятие «мемуарность» традиционно связывается с жанром воспоминаний, исследователи предпринимали попытки построения внутрижанровой типологии мемуаров. Так, коллектив авторов под руководством Романа Лейбова предложил в докладе «Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы», прочитанном на тартуско-хельсинском семинаре «История и историософия в литературном преломлении» в 2003 году [10], следующую классификацию мемуаров:

- 1) выделение видов текстов в зависимости от того, будет ли мемуарист апеллировать к собственным воспоминаниям о событиях («прямые» мемуары) либо пересказывать чужие свидетельства («непрямые»);
- 2) классификация мемуарных текстов по типу объекта, исходя из трех типов воспоминаний: воспоминания о *событиях*, воспоминания о *времени*, воспоминания о *лице*;
- 3) мемуары «о былой любви»;
- 4) детские мемуары (в них выделяются две разновидности: воспоминания ребенка о взрослом или воспоминания о «совместном детстве»);
- 5) мемуары, перетекающие в дневники, то есть доходящие в своем рассказе о событиях до момента повествования, «сейчас»;
- 6) мемуары со строго осознанной границей между «сейчас» и «тогда».

Другой исследователь, И.Л. Сиротина в статье «Культурологическое источниковедение: проблема мемуаристики» для решения проблемы классификации мемуаров берет «временной» аспект, то есть отношение времени создания текста к воспроизводимому. Исходя из этой концепции, она представляет классификацию мемуаров следующим образом:

1. Мемуары-летописи (созданные непосредственно вслед за событиями, по горячим впечатлениям): дневники, письма, записки, путевые заметки и др.
2. Мемуары-воспоминания (созданные по прошествии некоторого времени, по памяти): автобиографии, воспоминания, литературные портреты, исповеди и др.
3. Художественные мемуары (созданные отчасти по памяти, отчасти с использованием записей, публикаций разных лет, собственных прежних воспоминаний, мемуаров других авторов, писем своих и чужих и т.п.): как правило, литературно подготовленные, отредактированные, художественно оформленные произведения.

К тому же, отмечает И.Л. Сиротина, «мемуарные источники могут быть как целостными произведениями, так и вкраплениями, элементами личных раздумий или воспоминаний в произведениях другого жанра и назначения» [7, с. 231].

Как видим, в исследовательской традиции существует расхождение в определении хронологических и жанровых границ мемуаров. Но ясно одно, что мемуары – это повествование, предполагающее доминанту нефикциональности. При этом повествователем является конкретный индивидуум, авторская личность. Такое сочетание невымышленности и субъективности помещает мемуары между историческим повествованием и художественной литературой (по Л. Гинзбург, «промежуточный жанр»).

На наш взгляд, целесообразно разделить мемуары на две большие группы: мемуары-автобиографии и мемуары о других людях и событиях. Эти группы мемуаристики отличаются по объекту описания, что может служить различающим критерием, но главное различие – цель написания. Мемуары-автобиографии обычно преследуют цель включения мемуариста в череду поколений, в «эволюционное целое». Мемуары, объектом описания в которых является не столько сам мемуарист, сколько современные ему люди и события, преимущественно направлены на воссоздание «коэксистенциального мемуаристу целого», то есть осознание своей обособленности от существующих одновременно других личностей и относительной самостоятельности внутри социальной группы.

Общим признаком всех произведений мемуаристики, как известно, являются **воспоминания**.

Значение воспоминаний как исторических источников состоит в том, что память способна сохранять такие стороны фактов, событий и явлений, которые не могут найти свое отображение ни в каких других источниках. Специфическая особенность памяти как формы отражения действительности заключается в том, что она воспроизводит непосредственные впечатления о фактах и процессах действительности в том

виде, в каком они сохранились ко времени написания воспоминаний. Если документальные материалы обычно дают опосредованное отражение действительности, то воспоминания – это непосредственные впечатления участника событий. Воспоминания могут являться единственным свидетельством нигде более не зафиксированных фактов.

Воспоминания воспроизводят душевный мир и переживания участника событий, позволяют ощутить «колорит эпохи», специфику обстановки, отношений и настроений того времени. Воспоминания дают, как правило, детальное изложение событий, часто подчеркивают отдельные, очень мелкие, но с точки зрения автора важные особенности фактов. У автора мемуаров неизбежно складывается свое отношение к происшедшим событиям, может меняться оценка как самих событий, так и действий отдельных лиц. На качестве воспоминаний сказывается и то обстоятельство, что после определенного времени свежесть впечатления от событий сменяется более зрелым и устоявшимся мнением о них. «Всякие мемуары дают нам двойной круг знаний и представлений. Во-первых, мы через автора мемуаров воспринимаем то, что он видел и о чем писал, – людей и время... Второй круг – это круг наших знаний, представлений о самом авторе мемуаров: как автор выглядит в собственных глазах и какими глазами он видит других людей» [6, с. 84].

А поскольку память лежит в основе мемуарной прозы, то можно предположить, что автору мемуаров интереснее выявить не специфику ситуации, а специфику субъективной реакции на нее, показать некий механизм психологического восприятия, объяснить его, понять, и тем самым принять как одну из возможных моделей.

Возможен ли мемуарист, который не был бы субъективен? Возможны ли мемуары, которые были бы нейтральны? Нет. Всегда становясь отражением личности мемуариста, мемуары невозможны без субъективного отношения к воссоздаваемому. Но это не значит, что авторская субъективность в произведении должна превращаться в субъективизм. Все дело в том, какая это субъективность и что за личность выступает в роли героя воспоминаний. Если есть у него за душой жизненный опыт, знания, мысли, **нравственная основа** и цель – тогда его мемуары впитывают в себя все краски жизни, откликаются на многогранность времени – и значит объективны.

Безусловно, достоверность источника зависит не только от особенностей памяти, внимания, типа восприятия, характера и условий работы над мемуарным произведением (что, конечно, следует обязательно учитывать), но и в наибольшей степени от личной заинтересованности, пристрастий, политических взглядов, эмоциональной направленности, мировоззренческих ориентиров личности автора, то есть от типа его менталитета.

Все эти качества могут привести к искажению исторических событий, фактического материала и в конечном итоге – истины. Однако такая субъективность мемуаристики, в отличие от других эмпирических источников, не является ее недостатком. Объективное содержание мемуаров выражается в форме субъективного, и сочетание объективного изложения с субъективной оценкой – одно из главных определяющих свойств произведений мемуаристики. То есть мемуары – это всегда личное свидетельство, и, поэтому, объективные факты непременно предстают в них субъективно окрашенными.

А.И. Герцен, замышляя «Былое и думы», спрашивал: «Кто имеет право писать свои воспоминания?» И отвечал: «Всякий», ибо «для того, чтоб писать свои воспоминания, вовсе не надобно быть ни великим мужем, ни знаменитым злодеем, ни известным артистом, ни государственным человеком, – для этого достаточно быть просто человеком, иметь что-нибудь для рассказа и не только хотеть, но и сколько-нибудь уметь рассказать».

Всякая жизнь интересна: не личность – так среда, страна занимают, *жизнь* занимает. Человек любит заступать в другое существование, любит касаться тончайших волокон чужого сердца и прислушиваться к его биению... Он сравнивает, он сверяет, он ищет себе подтверждений, сочувствия, оправдания...» [2, с. 265].

И если мемуары «внелитературной словесности» дают читателю возможность увидеть ход прошедших событий во всей их фактической подлинности, то «писатель-мемуарист помогает ему ощутить ушедшую действительность как впечатляющее целое, помогает ему почти “физически” прикоснуться к духу и атмосфере минувшей эпохи, воочию увидеть населявших ее людей» [4, с. 114].

Как видим, требование объективности, которое является главным в мемуаристике, на деле невыполнимо уже постольку, поскольку мемуарист – это прежде всего личность. Субъективность – это основное понятие, которое отражает суть каждого человека.

Однако такая субъективность естественна, так как отражает систему ценностей и взгляды отдельного автора мемуаров. В субъективнейших своих исповедях, нравственных исканиях, в интимнейших воспоминаниях автор никуда не может уйти от фактов жизни и вопроса об отношении к этим фактам. «Группируясь вместе, резко освещенные со всех сторон, «потoki сознания» в конце концов суммируются в картину действительности; из плоскостей субъективного как бы строится объемное представление реальности» [3, с. 357].

Итак, в процессе развития литературы формировались и постепенно приобретали устойчивые черты различные повествовательные модели, ставшие впоследствии широко распространенными, представляющими обширные области прозы. К таковым относится и мемуарное повествование. В основе

мемуарной прозы лежит память, поскольку она воспроизводит непосредственное впечатление о фактах и процессах действительности в том виде, в каком они сохранились ко времени написания мемуарного произведения. Являясь основой культуры, память позволяет нам ввести мемуарную прозу в русло культурных феноменов, как показатель уровня цивилизованности общества, его сознательного отношения к своему прошлому, а, следовательно, и к своему бытию вообще.

Источники и литература

1. Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы: Историко-теоретический очерк. – Минск, 1986. – 222 с.
2. Герцен А.И. Собрание соч.: В 30 т. – М., 1956. – Т. 9. – 354 с.
3. Днепров В. Идеи времени и формы времени. – Л.: Л.О. изд-ва «Сов. писатель», 1980. – 600 с.
4. Левицкий Л.А. Где предел субъективности? // Вопросы литературы. – 1974. – № 4. – С. 101-115.
5. Литературный энциклопедический словарь // Под ред. Кожевникова В.М., Николаева П.А. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
6. Симонов К.М. Не золотая середина // Вопросы литературы. – 1971. – №6. – С. 83-85.
7. Сиротина И.Л. Культурологическое источниковедение: проблема мемуаристики // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. (Материалы международной научной конференции). – Санкт-Петербург. – Вып. 12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 226-232.
8. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. – М.: Наука, 1980. – 312 с.
9. Шкловский В.Б. За сорок лет. – М., 1965. – 455 с.
10. <http://www.ruthenia.ru/document/418856.html>

Поступила в редакцию 12.07.2005 г.

УДК 821. 161. 1 В – 1. 09

Темная О.В.

НЕБЕСНАЯ МИСТЕРИЯ М. ВОЛОШИНА

В статье рассматривается «небесный миф» М. Волошина сквозь призму его мифопоэтических представлений.

Ключевые слова: миф, космос, поэзия

У статті розглянуто „небесний міф” М. Волошина крізь призму його міфопоетичних уявлень.

Ключові слова: міф, космос, поезія

The author considers the “heavenly myth” of M. Voloshin through prism his myth-poetic notions.

Key words: myth, cosmos, poetry

Л. Озеров в одной из своих статей назвал М. Волошина «поэтом космических предчувствий» [1, с. 20]. Действительно, небесная тематика занимает значительное место в литературном наследии певца «Киммерии печальной». «Астрономическая образность» неоднократно привлекала внимание волошиноведов. Примечательно то, что интерес к данной теме проявляют как исследователи, разделяющие естественнонаучные взгляды (например, статьи Л. Озерова «Максимилиан Волошин, увиденный его современниками» [1], В. Цветкова «М.А. Волошин и естественные науки» [2], Р. Баландина «Вселенная живая и мертвая: М.А. Волошин и В.И. Вернадский о двух синтезах космоса» [3] – в данном случае подчеркивается точность астрономических наблюдений, «наличие емких аналогий, основанных на достижениях аналитического научного метода» [2, с. 123]), так и ученые, рассматривающие творчество поэта с точки зрения отражения в нем оккультно-мистических идей (Н. Кобзев «Эзотерическая символика М.А. Волошина (цикл стихов «Звезда Полярная»)» [4], С. Пинаев «Солнце и Луна в эзотерическом космосе М. Волошина» [5], «Гимническая поэзия М.А. Волошина» [6], И. Левичев «Духовное влияние А.Р. Минцловой на творчество Максимилиана Волошина» [7] и др.). Сложившаяся ситуация вполне закономерна, поскольку является следствием волошинского стремления к универсализму – сплавлению в едином творческом огне «глубинных прозрений» науки, религии и философии. Предлагаемое исследование носит обобщающий характер и выполняет функцию своеобразной «прелюдии» к циклу более ранних работ, посвященных исследованию небесной символики М. Волошина («Святое око дня...»: Солярная символика в поэзии М. Волошина», «Земля как “первоэлемент”” символической картины мира М. Волошина», «Луна и лунный мир в поэтическом космосе М. Волошина»). Мы ставим перед собой задачу рассмотреть «небесный миф» М. Волошина сквозь призму его мифопоэтических представлений, указать на источники его формирования.

В поэзии М. Волошина жизнь небес одухотворена, мифологизирована, небо для него – «родная бездна», а земная жизнь – медленное и целеустремленное восхождение ввысь. Подобно халдейским звездочетам, «коктебельский затворник» стремился приблизиться к небесным тайнам, постичь звездную мудрость. Многие современники поэта свидетельствуют о его глубоких познаниях в области астрономии. В примечаниях ко второму тому неизданных материалов М. Волошина В. Купченко пишет, что